

— Я думаю, что интервью не будет...
— Отчего же?
— Вы сильная личность. У вас наработанное перо, свое представление о жанре и свой взгляд, весьма жесткий. Вы пишете и получаете кайф, который я получаю, когда сочиняю. Просто я сочиняю про Мюнхгаузена, а вы — про живого Горина.

КАК БЫ ПЬЕСА В ДВУХ АКТАХ, НАПИСАННАЯ ПО СЛУЧАЮ ДНЯ СВЯТОГО ПАТРИКА

Действующие лица:
Драматург
Журналистка
Патрик — английский спаниель двенадцати лет

АКТ ПЕРВЫЙ.

из которого следует, что драматургу не светит политическая карьера

— Вот что меня всегда удивляло: вы столько написали (а значит, исследовали) о власти, но сами никогда не участвовали, не состояли, не привлекались к политической возне или к борьбе за власть. Почему? Не приглашали или это дело принципа?

— Я столько лет был беспартийным при том режиме, что сейчас вступать в партию... Зачем? Потом прошел ажиотаж. Я был у Белого дома в первый раз, были порывы и вера, сейчас я понял, что любая власть — дело безнравственное. Я про это пишу все время. Что же я буду противоречить тому, о чем пишу? Я понимаю, что противно, когда политику за тебя делают другие. Ты все равно окажешься ее участником, когда постучат в дверь автоматом. Ну и постучат. Тогда я буду поступать как рядовой гражданин — спасать себя.

Если бы не тарелка с печеным и мармеладом, можно подумать, что спаниель Патрик — любитель политических бесед. Он застыл, как гипсовый пионер в парке Горького и гипнотизирует меня, как Вольф Мессинг. Похоже, что политика возбуждает аппетит Патрика. Брошаю ему кусок.

— Все они (власть) бессовестные, это точно. Но, скажите мне, пристаю я к вам: кому сейчас верить? Демократы, фашисты, коммунисты... Кто еще сохранил кредит доверия?

— Недавно в Америке я встретил Ираклия Кверикидзе (сценарист, режиссер), и мы вспомнили, как сидели когда-то давно на кухне и говорили, что "хорошо бы, если бы нами правил человек образованный, хорошо бы со знанием языков, из хорошей семьи". И мы все это получили в виде Гамсахурдиа. Он диссидент, филолог, из хорошей семьи, да? А в результате — гражданская война, кровь, отсутствие газа света и в конечном счете — трагедия нации. Выясняется, что к власти должен идти обязательно самый умный, самый интеллигентный, не самый властный. Макиавеллиевские принципы, оказывается, очень важны. Правитель должен быть хитрым, закрытым, помалкивать, когда надо... Это другая профессия.

— Я могу сделать вывод, что вы никогда бы не согласились на эту роль.
— Мне особенно не предлагали. Если только в партию звали. С перспективой роста. Но я нерешительный человек в решении судеб. Когда я был врачом, я знал, как помочь конкретному человеку. Поэтому и работал на "Скорой помощи".

— Сколько лет вы практиковали?
— Почти пять лет. Врач "Скорой" — единственная профессия, где ты принимаешь решения и, грубо говоря, находишься со смертью один на один. Здесь драматизм жизни ощутим, как нигде. Поэтому мне работа нравилась, хотя грех говорить так — нравилась. У меня был случай, я помню: на улице подняли пьяную женщину. Куда везти? В больницу? Там разорвутся — зачем пьянь привез? В милицию? Сработал интуитивный врачебный инстинкт, и я привез ее в больницу, где обнаружили у нее под грудью невидимый удар шилом.

Патрик не выдерживает оскорбительно-го невнимания к себе и берет "ми" второй октавы. Мое сердце старой собачницы не выдерживает.

— Американский драматург Артур Миллер говорил, что он видит жизнь так: "Берет лист белой бумаги, переворачивает, а он оказывается черным". Так и писал свои пьесы. А вы как?

— Я не настолько талантливый, как Миллер, чтоб в трех фразах сформулировать. Моя задача — понять внутренний механизм жизни. Не просто жизни, а той, в которой я существую.

Вот берется обобщающая история: был враль Мюнхгаузен. На самом деле — чистый человек, который жил в стране вралей. И он ушел в поэзию, чтобы не занимать бытовую правду.

Я убежден, что прошлое, настоящее и будущее действуют одновременно. Иван Грозный или Петр Первый — эти люди как бы продолжают существовать. Более того, у нас непредсказуемо не только будущее, но и прошлое. В странах, где очень устоявшийся образ жизни, не так остро все разыгрывается, как в России, которая действует как огромная Божья лаборатория. И в ней разыгрываются совершенно неожиданные варианты развития истории человеческой. Я знаю, что мир болен сам по себе, без нас, у него тысячи проблем. Но чтобы соединить это все, для этого выбирается одно место. И это — несчастная Россия, которая наполовину Европа, наполовину Азия, в которой колоссальная политическая активность, не снисвавшая ни одной Норвегии и Дании. Россия, которая в идею верит так, как будто она сошла с ума — будь то капитализм или коммунизм. Она заражена решением всемирности. Достоевский, кажется, говорил: "Дайте русскому гимназисту карту неба, через час он вернет ее исправленной".

Сейчас происходит некое желание усреднить Россию. Мы начинаем говорить: "Важны деньги, не надо рыпаться в политику, займитесь в конце концов делом. Побелите подъезд, перестаньте мочиться в лифте". Это трудно. Я даже не уверен, что Россия справится с этой задачей в простом человеческом варианте. Что касается театра, то он — единственная возможность разыграть этюд жизни на глазах, дав возможность кое-кому задуматься и понять что-то.

— Уйди! Убью! — это Горин говорит Патрику.

Патрик делает вид, что оглох.
— Немного странно, что только теперь вы осознали безнравственность властных предрержащих. Мне кажется, и ребенку сейчас это ясно...

— Было такое... Да. Но возможность заблуждаться — это такая радость, в которой я себе не могу отказать. Это как влюбленность. Я не был влюблен в демократов и нашего президента. Но я все-таки не постарел до такой степени, потому что то, о чем вы говорите — удел отшельника-монаха или мизантропа. Можно сказать, что все на свете дерьмо, ни во что не верю, от всего отрекись. Но если мне поверилось, то это вполне нормальная человеческая реакция. Я не мэтр, который вышел пророчествовать. Я должен со зрителем пройти заблуждения, раньше их чуть-чуть понять наивность заблуждений и изобразить это, как бы открывая зрителям глаза. Потом у меня будет следующее заблуждение. Я даже допускаю мысль, что в 70 лет стану неисправимым романтиком и поверю в то, что вот, оказывается, можно построить рай на земле.

— И вступите в компартию?
— Как это сделал, например, Пикассо. Что, он был глупее нас?
— Скажите честно, Григорий Израилевич, вам противно говорить про политику?
— Нет, не противно. Но в этот момент мне не хочется быть с толпой. А поскольку сейчас все говорят о политике: актеры, режиссеры, рокеры... Мы, мне помнится, хотели поговорить о театре или о чем-то другом?

ВТОРОЙ АКТ.

из которого следует,

что ему не светят мыльские оперы

— Я лично предлагаю — про любовь.
Почему-то именно в этот момент Патрик уходит и грустит, положив морду на лапы. Может, Жучку какую вспомнил?
— Про любовь, потому что, когда я прочла вашу последнюю пьесу "Чума на оба ваших дома", мне показалось, что политика для вас осталась позади.

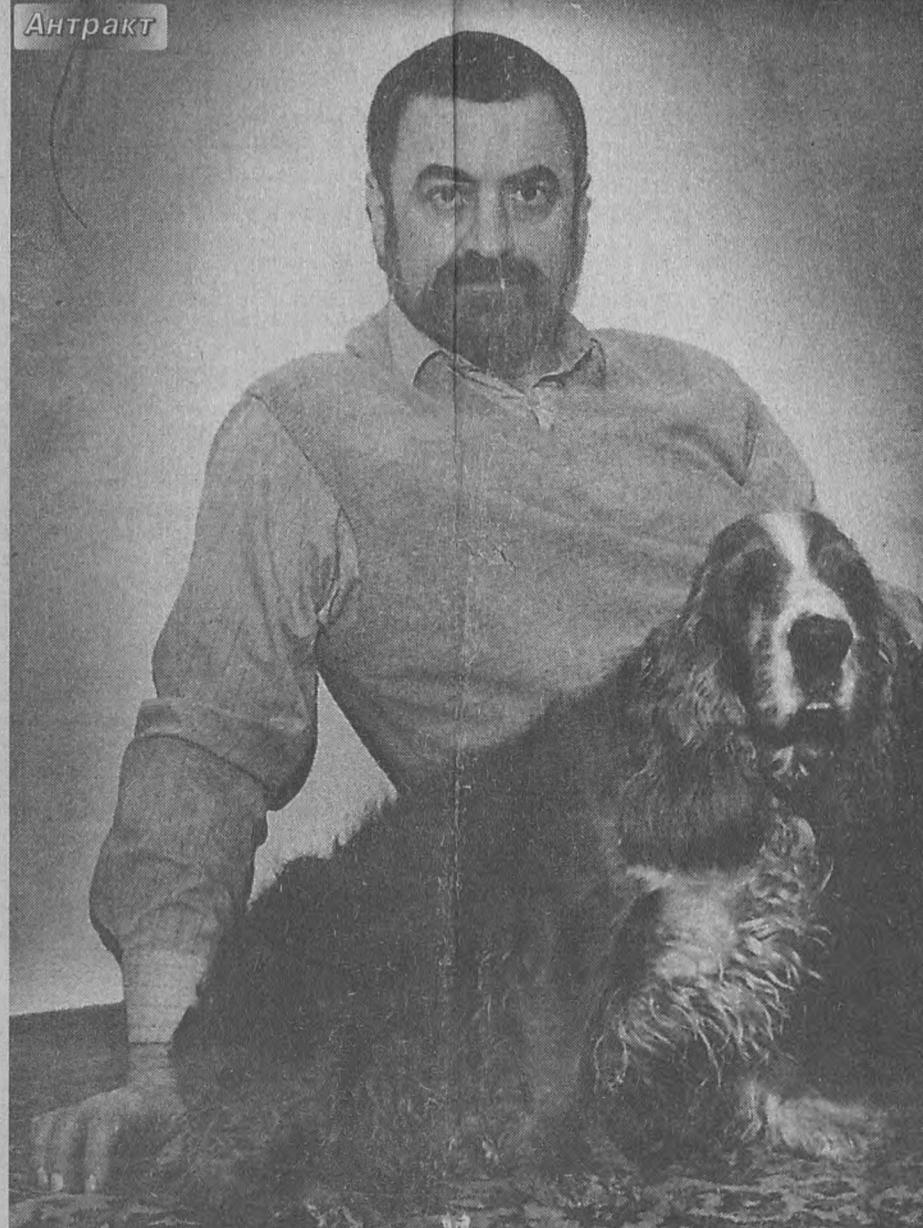
— На данном этапе — да. Когда я писал "Чуму", мне показалось, что политика, история, вражда — все ерунда. И тут я подползаю к вашей мысли, что если бы все плюнули на политику и занялись любовью (растили детей, в восемь утра уходили на работу, в шесть возвращались), то наступила бы нормальная человеческая жизнь. Просто интуитивно мне казалось — вот это счастье.

Знаете старый анекдот? Человек приезжает поступать в институт. Его спрашивают:
— Когда произошла революция?
— Не помню.
— А когда был XX съезд?
— Не знаю.
— Хорошо, а кто такой Ленин?
— Понятия не имею.
— Постышайте, откуда вы такой?
— Из Урюпинска.
Преподаватель так посмотрел на него, закатил глаза:
— Вот так бы бросить все дела и уехать в Урюпинск...

Это желание уехать в Урюпинск время от времени возникает. Что я и делаю. Уезжаю на дачу. Мы с Любью гуляем, разговариваем. Могу так прожить пять дней. Но потом вдруг понимаю, что вокруг идет жизнь, дикая борьба...

Москва-Комсомолец, 1995. — 15 марта. — С. 8.

САМЫЙ КРАЙНИЙ, САМЫЙ...

— Ни слова о политике. Меня поразило, что сцена близости в "Чуме" происходит не где-нибудь, а в монастыре. Я даже не знаю, что это: смелость или кощунство?
— Здесь мне это показалось естественно. Вообще моя любимая книга — "Песнь песней". Это странное явление в Библии — гимн плот-

ской любви. Поэтому этой сцене я придать религиозную окраску. Недаром герои пьесы начинают читать "Песнь песней": "О, как любезны ласки твои... О, как много ласки твои лучшие вина, и благовония мастей твоих лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих... Мед и молоко под языком твоим... Пусть придет возлюбленный в сад свой и вкушает сладкие плоды его..." Они читают и возбуждаются от этого, как сейчас возбуждаются от каких-то иллюстрированных журналов.

— Сильно, но... Церковь вас осудит.
— Пусть католическая церковь меня осудит. Но это все же не "Декамерон". Там монахи сожительствуют столько, что дым коромыслом, перья летят. А здесь — чистое дело. Где прикажете встречаться гонимым людям? Я решил — лучшее место монастырь. Она беременная неизвестно от кого. Он запутался в женитьбах-

— Для этого надо быть драматургом, чтобы увидеть трагедию. Честолюбивые замыслы разбудила она в нем. И это был определенный уровень цивилизации, когда лидер с женой стал появляться на людях. Она меняла туалеты, говорила какие-то неглубокие вещи. Оказывается, это вошло в противоречие с менталитетом страны, которая всегда считала, что бабе место на кухне (Сталин недаром не показывал жен). Это было достаточно рискованно со стороны первого русского президента. "Мы с Раисой Максимовичей, Раиса Максимовна" — говорил он. Хотя я уверен, что советник шептал: "Пусть она уйдет, не раздражает". Нет, это была любовь. Она и есть любовь. Любовь добра или зла — пусть разбирается тот, кто будет писать об этом. Но история абсолютно драматическая, где человеческие чувства преобладают над государственными. У него. А у нее — государственные над человеческими, потому что но имя любви к мужу иногда их надо спрятать, а она... Это то, что было у царей и королей, а теперь у президентов. А какую трагедию переживает Клинтон! Вся Америка злословит, судачит. А он подчеркивает ее значимость. Конгресс проваливает ее проект по медицине, так как не любит ее ужасно. Шекспировские страсти. Да вообще, жены лидеров — всегда тема для театра.

— Вы так горячо и страстно говорите о любви, а между тем мне кажется, что лирические сцены вам не очень-то удаются, как Свифту. Суровые они у вас какие-то.
— Я не люблю сюсюканий со сцены. Играть любовь — самая трудная вещь.
— И даже кажется иногда, что Горин краснеет, когда описывает любовную сцену.
— Да, да! А почему? Такова индивидуальность. Я и с собственной женой, которую люблю, немногословен. В свое время мы придумали какую-то парадоксальную форму отношения: не говорить напрямую ничего. А на сцене тем более. Когда говорят: "Я тебя люблю", а она отвечает: "Я тебя тоже люблю", после этого надо петь. А у меня мозг так устроен, что любовь я могу показывать, иронизируя.

— Ты будешь мне изменять? — спрашивает Нелле Тилья (пьеса "Тилья" — М.Р.).
— Буду.
— За каждой юбкой будешь бегать?
— Буду.
— Ну тогда я за тебя спокойна.
— А ты выйдешь замуж, когда я умру? — спрашивает ее Тилья.
— За первого встречного.

И они плачут. Тогда зритель их любит. Генрих говорит Анне Болейн: "Какая же ты стерва. Обожаю". Потому что у него еще и сексуальное: он опасается, что не с каждой женщиной возбуждается. А с Анной он готов проводить в постели все время. Она же не столько стерва, сколько в порыве начинает вершить судьбу страны. И он ничего не может сделать. Поэтому после ее смерти ей назло (уже мертвой) он женится на ее фрейлине. И это и есть настоящая страсть.

Вот сейчас меня Захаров втянул в работу над спектаклем "Анна Болейн". Американская пьеса про Генриха и его вторую жену. Попросили сделать сначала какие-то интермедии, но я так не умею. Я должен ворваться в хозяйство и все перелопатить. Вот что интересно (это к вопросу о любви-политике): время в пьесе полностью совпадает с нашим. Не в простом "капустном" варианте — президент похож на короля — а в самой тенденции. Англия — дикая феодальная страна, в которой правил цивилизованный обожаемый монарх Генрих XVIII. Но он влюбился в Анну, и настало то, что, когда ему запретили жениться на ней, он поменял веру в стране. Когда он сменил веру, выяснилось, что, точно как у нас, многие не хотят расставаться с прежней. Пришлось казнить. Начались трагедии. А Анна родила девочку, он же хотел, чтобы наследник был прямой. Мальчик родился мертвым. И тогда он понял, что это знак судьбы. Что делать? Развестись? Но она не дала развода. И тогда он обвинил ее в измене (он, который имел шесть жен) и казнил ее. Такой клубок противоречий, понимаете?

Если в "Чуме": будем любить — будем счастливы, то в "Анне" оказалось, что любовь просто вне жизни не может быть. У Адама и Евы была попытка, но появился Дьявол со своим яблоком. А ведь два сильных человека любил друг друга так страстно, как Ромео и Джульетта, а кончили, как Макбеты. Понимаете?
Вони никогда не задумывались, какая трагедия происходит у Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны? У Клинтонки и Хиллари?
— Недавно я видела Горбачевых на нашем кинофестивале. Вполне благополучная пара. Придумываете?

— Уж и привет от медицины.
— А публике это нравится. Человек настолько эксгибиционист, что все рассказывает. Сегодняшний роман Пугачевой с Киркоровым (она в ложе, он на сцене, зритель пускает слюну в зале) — красивая мыльная опера по-русски. Я в этих операх играть не хочу. И жена моя не участвует в них.

— Тогда эта красивая фраза "Будем пользоваться миром, как юностью" не про вас?
— Нет. Я не сторонник жадности. Я жаден до фантазии. Я больше Мюнхгаузен, чем Тилья. Вот Тилья жадно жил. Эдакий кусок здоровья, который жрал, пил, спал, трахался и вперед на войну с инквизицией. Мюнхгаузен нашел женщину и сказал: "Никогда не ехать, не воевать, все дома придумаем. Дома будем говорить с Шекспиром, переписываться с Сократом, ходить на Луну. Это я тебе все организую". Он ей особый день подарил, которого нет в календаре для других.

— Я, естественно, спрашиваю: а что вы подарили жене такого?
— Вот это плохой вопрос. Так как инскапательный разговор хотите перевести в конкретный.

— Конечно. Передо мной конкретная личность — талантливая, яркая, хоть и стоит всегда с краю.
— Если я буду потакать вам, значит, я буду стремиться соответствовать каким-то вашим представлениям. Если буду отрицать, я разочарую своих читателей-зрителей, которые подумают: "Что же он пишет, а сам в день три раза обедает, а после обеда спит?" Вы хотите знать, ходил ли я на Луну? Да, ходил, но не спрашивайте тогда.

Я бы так провел интервью. Что подарил? На последний юбилей написал пьесу и подарил жене, потому что ее люблю. Где мы отметили 25 лет совместной жизни? Я подумал, что, если мы сядем за стол, будет скучно. Мы встретили юбилей в самолете, и это было приятно, потому что было высоко над землей. Вот на эти нехитрые придумки моя голова работает...

...А любовь надо доказывать. Другого пути нет.

Патрик чихал на шекспировские страсти, политику и на святого, в честь которого его окрестили. Патрику приспичило, и он нетерпеливо топтался у двери. "До чего мне надоели эти теоретики. Какая любовь? Вышла бы на улицу, там все узнаешь".

Марина РАЙКИНА.
Фото Александра ИЗОТОВА.

Доброжел!

??

— Может быть, я и не права, но всегда считала, что писатели описывают то, что сами хотели бы пережить, но не пережили в силу ума, осторожности ну и так далее.
— Да я назову вам десяток людей типа Дюма-отца, которые в жизни проигрывали то, о чем потом писали. У него были романы, жены, он строил замки и лез в политику... Или, скажем, Бомарше — авантюрист, и Фигаро его такой же. А есть люди совершенно тихие вроде Александра Грина, которые сидели в Крыму, но успевали в такие путешествия... Я больше Грин. Тюрем не было, политической борьбы тоже.

— Ну а как же жизнь, Григорий Израилевич? Что вы можете предвдвять в свои 55 (юбилей Горин отметил в день святого Патрика 12 марта. — М.Р.) из личного опыта? Дуэль?
— Я человек из простой семьи. У меня нет аристократического комплекса.
— Рукописи жгли?
— Это я делал часто. Рвал. "Сжигающий рукописи Горин под покровом ночи..." В этом есть ощущение, что тебя снимают скрытой камерой. Я человек по натуре застенчивый и против картинности. Грубо говоря, не могу выйти на сцену в желтом шарфе и красном пиджаке: "Вот вам подарок — я". Я все время стою где-то с краю...

— Сходили с ума от любви?
— Тот, кто говорит на это "да" — дурак. Это такая интимная вещь, что либо пиши стихи, как Александр Сергеевич, либо... Есть поэты, которые специально заводят романы, потому что романы как бы возбуждают. И об этом знает вся читающая публика. Это немаложко вариант возбуждения потенции: "Я влюблен, я поэт, я пишу стихи, я должен еще овладеть. Я овладел!"

— Уж и привет от медицины.
— А публике это нравится. Человек настолько эксгибиционист, что все рассказывает. Сегодняшний роман Пугачевой с Киркоровым (она в ложе, он на сцене, зритель пускает слюну в зале) — красивая мыльная опера по-русски. Я в этих операх играть не хочу. И жена моя не участвует в них.

— Тогда эта красивая фраза "Будем пользоваться миром, как юностью" не про вас?
— Нет. Я не сторонник жадности. Я жаден до фантазии. Я больше Мюнхгаузен, чем Тилья. Вот Тилья жадно жил. Эдакий кусок здоровья, который жрал, пил, спал, трахался и вперед на войну с инквизицией. Мюнхгаузен нашел женщину и сказал: "Никогда не ехать, не воевать, все дома придумаем. Дома будем говорить с Шекспиром, переписываться с Сократом, ходить на Луну. Это я тебе все организую". Он ей особый день подарил, которого нет в календаре для других.

— Я, естественно, спрашиваю: а что вы подарили жене такого?
— Вот это плохой вопрос. Так как инскапательный разговор хотите перевести в конкретный.

— Конечно. Передо мной конкретная личность — талантливая, яркая, хоть и стоит всегда с краю.
— Если я буду потакать вам, значит, я буду стремиться соответствовать каким-то вашим представлениям. Если буду отрицать, я разочарую своих читателей-зрителей, которые подумают: "Что же он пишет, а сам в день три раза обедает, а после обеда спит?" Вы хотите знать, ходил ли я на Луну? Да, ходил, но не спрашивайте тогда.

Я бы так провел интервью. Что подарил? На последний юбилей написал пьесу и подарил жене, потому что ее люблю. Где мы отметили 25 лет совместной жизни? Я подумал, что, если мы сядем за стол, будет скучно. Мы встретили юбилей в самолете, и это было приятно, потому что было высоко над землей. Вот на эти нехитрые придумки моя голова работает...

...А любовь надо доказывать. Другого пути нет.

Патрик чихал на шекспировские страсти, политику и на святого, в честь которого его окрестили. Патрику приспичило, и он нетерпеливо топтался у двери. "До чего мне надоели эти теоретики. Какая любовь? Вышла бы на улицу, там все узнаешь".

Марина РАЙКИНА.
Фото Александра ИЗОТОВА.

Доброжел!

??